

МЫТАРСТВА ДЕДА ДЫВИДА

Фрагмент из воспоминаний *Корначевского Льва Оскаровича*

Справедливость в нашем обществе понятие относительное и далеко не для всех эта справедливость торжествует. Как пример привожу воспоминание нашей невестки, жены моего сына Михаила Марины Подвезённой о деду.

Дед Давид (Давид Саввович Подвезенный (Підвезений)) – отчим Александра Ивановича – одновременно был его дядей. Дело в том, что после гибели отца Ивана, его мать повторно вышла замуж за его родного брата Давида. История жизни последнего была необыкновенной.

Дед Давид после окончания сельской школы в 1940-м году смог поступить в Физико-энергетический институт в Ленинграде, что само по себе было проявлением неординарных способностей простого деревенского паренька. После школы дед Давид некоторое время учился на механизатора в ближайшем районном центре городке Шполе. Туда на обучение посылали колхозников из нескольких районов, так что конкурс на тридцать мест был более чем высоким. Отбор заключался в том, что кандидатам предлагалось на слух определить исправность работы техники (мотора, карбюратора ...). Те, у кого обнаруживался слух на определения неисправностей, принимались для дальнейшего обучения. Специального диагностического оборудования тогда не хватало, и все дальнейшее обучение было рассчитано на развитие именно таких «слухаческих» способностей. У деда Давида был к этому явный талант, и в течении многих лет он потрясающе чинил машины и мотоциклы для своих знакомых и друзей. Иногда, и он не мог окончательно диагностировать проблему и тогда говорил: «Я думаю, что там трещина в «пальце», но если хочешь знать точно, съезди в соседнюю деревню к деду такому-то. Он тебе точно скажет». Когда дед состарился, видел плохо и ему уже было физически тяжело самому залезать под машину, чтобы посмотреть в чем дело, к нему все

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

равно приезжали с проблемами. На просьбу посмотреть дед отвечал: «Да вы что, я уже старый». А они ему: «Дед, да ты только послушай». И он слушал и находил неисправность.

После возвращения из лагеря лет двадцать пять-тридцать, а умер он уже в 80-х годах, дед пил много и часто. Прямо из трехлитровой банки. И жену поколачивал. О своей жизни в военное и послевоенное время молчал. Про войну говорил редко, мимоходом и неохотно, хотя прошел ее всю, подчеркивая, что это грязное дело и ничего героического в ней нет. В тоже время об этом периоде его жизни можно было целый роман написать. Все, что известно о его жизни – это отдельно брошенные фразы, проговорки и комментарии, которые в разное время слышали разные люди. А все потому, что человек прошедший через Дахау, три побега из плена, работу смертником-подрывником в Гарибальдийской бригаде в Италии, «выкупленный» из НКВДэшных лагерей будущей женой, был сломлен Системой. Можно было только представить, каких высот человек с его талантом мог достичь, если бы в жизни все заслуги людей оценивались бы по их делам. А известно о его жизни в сороковые годы следующее...

Когда началась война с Германией, дед Давид пошел записываться добровольцем в военкомат. Ему отказали – сказали, что это необходимо делать по месту прописки. Он отправляется на Украину и попадает таки в армию. Провоевал он недолго, попав в плен практически около родных мест после того, как его часть попала в окружение в районе Корсуня-Шевченковского. Но ему удалось сбежать во время транспортировки на поезде: вместе с другими пленными они проломили стену вагона и смылись. Видимо, в том момент пленных было так много, что немцы еще не знали, что делать с таким потоком.

Он добрался до родного села Матусово в Черкасской области, отсиделся там некоторое время и пошел в Красную армию во второй раз. Но снова попал в плен в том же 1941 году, теперь уже в Калужской области. Немцы к тому времени уже свирепствовали: всех офицеров и коммунистов, попавших в плен,

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

расстреливали сразу. Поэтому творилось страшное, пленные офицеры сжигали документы, отнимали у рядовых их одежду, лишь бы не попасться.

Второй раз из плена дед Давид сбежал уже где-то в Польше. Ночами пробирался на восток, днем отлеживался и так добрался до Западной Украины, Карпат. Как-то раз днем услышал он украинскую речь и решил открыться говорившему. Местный житель оказался гуцулом, он накормил деда Давида и пустил его на ночлег в сарай. Проснулся дед Давид в ужасе – вокруг него стояли эсэсовцы. После этого он посетил Дахау и другие места «работы» для советских военнопленных.

В 1943 году, когда ход войны стал неумолимо меняться, и угроза бомбардировок фатерлянда стала реальностью, деда Давида отправили куда-то на юг Германии, в Альпы, на строительство подземных заводов, которые были бы недостижимы для авиации союзников. Заключенных использовали для разборки завалов после взрывных работ. Как-то раз явно переборщили с зарядом, и рвануло так, что образовалась дырка в горной породе. Через нее несколько русских и рванула на свободу. Видимо, на время взрыва вся охрана куда-то пряталась. Сбежав, они попали в плен то ли к маки – французским партизанам, то ли к итальянским, которые позже сформировали гарибальдийскую бригаду. В течение недели их держали в пещере – проверяли, не заслали ли их немцы. После проверки их включили в состав местного партизанского отряда, сделав подрывниками – самой опасной работой, фактически они были смертниками. До конца войны действовали они в Северной Италии. После войны дед Давид всю жизнь страдал от болей в суставах ног. По его словам испортил ноги он в Италии. Все местные пользовались альпинистскими ботинками, но дед ходить в них не мог, поэтому специально для него доставали более привычные кирзовые сапоги, которые для гор подходили плохо.

Партизанская война в итальянских Альпах имела свою специфику. Может это и не совсем правда, но велась она так. Сначала немцам удавалась время от

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

времени запереть партизан в горах. Однажды они в течение продолжительного времени сидели высоко в горах, на леднике, голодали. И только помощь американцев, сбросивших с самолетов еду и теплую одежду их спасла. Позже сложилось некоторое равновесие: партизаны сидели в горах, немцы – в городах и селениях. Тем временем жизнь в городах текла своей чередой: работали рынки, бани, казино, бордели и пр. Но и партизанам нужно было время от времени помыться и расслабиться. Поэтому в какой-то момент между ними и фашистами была достигнута следующая договоренность. Скажем с понедельника по четверг фашисты стоят в городе, затем уходят. Партизаны спускаются в город и отдыхают, а воскресенье уходят в горы, а фашисты возвращаются. В 1944 г. дела фашистов стали плохи, немцев в итальянских горах практически не осталось, остались итальянцы. С ними было проще, война спустилась с гор на равнины.

В какой-то момент отряд гарибальдийцев, в числе которых был и дед Давид, преследовал убегающих сторонников Муссолини (или даже, говорят, самого его) и захватил брошенную ими технику. Дед Давид сел за руль трёхосного грузовика закрытым бронированным кузовом, он был хорошим водителем, и погоня продолжилась на машине. Доехали они до какого-то порта, где фашистов и след простыл, и тут же война окончилась. Война окончилась – все свободны и пошли по домам. Деду Давиду сказали, что раз он шофер, то может забрать фургон себе, в хозяйстве пригодиться. К этому времени он уже стал семейным человеком. Жил он вместе с дочкой одного из своих итальянских соратников. Сам итальянец был фермером и держал хозяйство, а дочка приносила партизанам еду, так они, видимо, и познакомились. Так вот пригнал дед Давид фургон во двор своего дома и решили они посмотреть, что в нём. Думали, что там какие-то ценные документы или архивы, открыли, а оказалось там... итальянские деньги и не мало! Полный кузов- несколько тонн. После войны местный муниципалитет предложил всем иностранцам-гарибальдийцам оформить необходимые документы об участии в

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

освободительной войне и даже итальянское гражданство. Дед Давид документы оформил, но от гражданства отказался. Жила семья хорошо, занималась сельским хозяйством, родились у них близнецы.

Относились к герою освобождения итальянцы хорошо, но с каждым днем его все сильнее тянуло на Родину. В тот момент зона советской оккупации располагалась близко, в Австрии. Бывших русских военнопленных, как известно, советские спецслужбы заманивали обратно, искусно играя на их чувстве ностальгии. В какой-то момент деду Давиду пришло письмо из австрийской комендатуры советских войск о присуждении ему награды. Он собрал документы. Сел на мотоцикл и поехал в советскую зону оккупации. Тут же он, конечно, оказался в НКВД. Больше всего он жалел о том, что при аресте у него отняли все документы (в том числе о том, что он был партизаном-гарибальдийцем), награды, именные серебряные часы и именной пистолет. Что и как с ним происходило в застенках НКВД неизвестно, но в какой-то момент он оказался в сборном лагере вблизи своей деревни на Украине. Жена погибшего брата, узнав об этом, пешком ходила к нему на свидания. Время было послевоенное, бедное и голодное, и чего это ей стоило даже сложно представить. В какой-то момент она продала телку (наверное, единственную) и на вырученные деньги «выкупила» родственника у охранников тюрьмы. После этого за взятку у прокурора района выправили ему документы. Вернулся он в родное село, где вскоре женился на вдове своего брата, погибшего во время войны где-то в районе Кенигсберге. Сына брата он усыновил, у них родилось двое детей – Ольга и Николай (которого родственники называли Колян).

Теща его не любила до конца жизни. Впрочем как и предыдущего зятя. Возможно, это было связано с тем, что отец братьев Подвезенных был большевиком и активно участвовал в раскулачивании. В число пострадавших попала и семья тещи. А тут дочка выходит замуж за одного сына врага, а потом и за другого. Вот так жизнь повернулась, и советская власть с иезуитской жестокостью ударила по своим же последователям.

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

Всю оставшуюся жизнь жил дед Давид тише воды, ниже травы. Был ли он сломлен в застенках НКВД, потрясен бессмысленностью победы в войне, сравнив советскую действительность с послевоенной Италией, чувствовал себя виновным в том, что подло бросил семью, сказать сложно. Советская власть также внесла в это свою лепту. Участником войны он не считался, героем тем более. Реабилитирован был только в 80-х годах (только при Горбачеве).

В восьмидесятых годах по телевидению стали показывать, как ежегодно в Италии торжественно происходит встреча пожилых ветеранов-гарибальдийцев, одетых в мундиры армий разных стран, при звездных погонах, увешанных многочисленными орденами. Ветеранам была положена пенсия – около 1000 долларов США. Семья жила скромно, если не сказать бедно, а это были немаленькие деньги, а пенсию перечисляли даже в СССР. Узнав об этом, Александра Васильевна спросила свекра, почему бы ему не поехать на такую встречу или заявить о своих правах на пенсию, он же имел на это законное право! На это дед Давид ей и признался, что у него в Италии осталась жена и двое детей, которых он бросил, поэтому возвращаться ему туда стыдно. Но потом добавил: «Но деньгами я их обеспечил, на всю жизнь» – видимо, имея в виду тот самый фургон с деньгами.

Так и умер в неизвестности человек, у которого были удивительная судьба, потрясающая воля к жизни, неординарный талант, бесспорные заслуги перед, как минимум, двумя странами.